

Критика перевода поэтического текста сквозь призму

лингвопереводческого анализа

Егорова О. И., канд. филол. наук,

Зинченко А. В., аспирант

(Сумы, Украина, Сумский государственный университет)

Работы Тараса Григорьевича Шевченко давным-давно приобрели статус мирового культурного наследия, о чем свидетельствуют их переводы на множество европейских и неевропейских языков [10]. Несомненно, стихотворение «Завет» (укр. «Заповіт») принадлежит к числу «центральных», наиболее узнаваемых во всем мире работ мастера украинской поэзии.

Первый перевод «Завета» (1856) осуществил русский поэт-переводчик и литературовед Николай Гербель еще при жизни великого поэта, во время его ссылки. Не удивительно, что «Шевченковский бум» начался именно с России, ведь этому способствовали как фактор географической близости стран, так и довольно длительное пребывание самого поэта в Петербурге. С 1856 по 1936 гг. мир увидели 30 сборников русскоязычных переводов творчества Кобзаря.

Практически одновременно происходит экспансия наследия Т. Г. Шевченко в западноевропейские страны, а позже и за океан. В частности в рамках таких глобальных тенденций с творчеством Т. Г. Шевченко знакомится англоязычная аудитория. Первым популяризатором творчества украинского поэта в Англии стал оксфордский профессор Уильям Ричард Морфил, опубликовавший в 1886 г. статью «Казацкий поэт» вместе с собственными прозаическими переводами начальных восьми строк «Завета» и других поэтических произведений Т. Г. Шевченко.

В начале XX столетия на арене англоязычных переводчиков творчества Т. Г. Шевченко фигурирует Этель Лилиан Войнич, чьи двадцать лет плодотворного труда увенчались выходом сборника переводов *Six lyrics from the Ruthenian of Taras Shevchenko, also the Song of the Merchant Kalashnikov from the Russian of Mikhail Lermontov*. По словам авторитетной исследовательницы

англоязычной шевченкианы Р. П. Зоривчак, Э. Л. Войнич имела возможность познать и перенять шевченковский дух, поскольку и сама принимала участие в революционной борьбе против царского режима и лично была знакома с И. Франко и М. Павликом [3].

Сравнивая переводы Э. Л. Войнич и Перси Пола Селвера – английского литератора, фразеографа и переводчика славянских и германских языков, – Р. П. Зоривчак критически отмечает, что работы П. П. Селвера близки по содержанию и форме к оригиналу, однако не передают всей силы и простоты шевченковского поэтического выражения, не производят впечатления целостности [9]. Впрочем, подобное мнение разделяют далеко не все авторитетные исследователи переводного наследия Т. Г. Шевченко (см., например, *Manning C. Schevchenko In English Literature* [14, с. 123–124]).

Стоит отметить, что К. Меннинг также принадлежит к плеяде английских переводчиков Т. Г. Шевченко, чья работа неоднозначно оценивается как критиками, так и самим автором [3; 8, с. 30; 14, с. 124–125].

Переводами на английский язык активно занимался и Иван Вывьюрский – канадский публицист, редактор просоветских газет, выступавший под англоязычным именем Джон Вир (John Weir), о работах которого критики также не сходятся во мнениях: «В своих переводах Джон Вир стремился к передаче содержания работ Шевченко, но художественная ценность этих переводов невысока» [8, с. 31]; «Джон Вир глубоко воспринимал и адекватно (по возможности) воспроизводил социально обостренные и публицистически озвученные аспекты поэзии Т. Г. Шевченко, смело и современно рассматривал образность поэта, чувствовал мелодичность и музыкальность его речи и пытался хотя бы частично воссоздать это богатство для англоязычных читателей. В преобладающем большинстве переводов Джону Виру удалось отыскать необходимый семантический, образный и ритмический аналог, хотя бы частично передать напряжение Шевченковского Слова» [3].

Критика со стороны исследователей англоязычной шевченкианы не обошла стороной и переводческие работы Ватсона Киркконелла,

выполненные на материале подстрочников Константина Андрусина. Именно таким «распределением труда», по мнению Л. В. Коломиец, и обуславливается тот факт, что в переводах доминирует семантический подход, при котором поэтический размер оригинала не обязательно сохраняется [5, с. 249].

Р. П. Зоривчак довольно справедливо, на наш взгляд, отмечает, что в переводах этого творческого тандема присутствует большое количество шаблонной лексики, фразеологии и амплификаций, чуждых поэтике Т. Г. Шевченко, в то время как немало образно-экспрессивных черт оригинала не были реконструированы во вторичном тексте. «Практически все произведения Киркконнелл произвольно и не всегда мотивированно подогнал под 4 классические английские ритмико-строфические схемы. Причем, выбрав размер, переводчик практически никогда не отступает от него до самого окончания произведения – часто вразрез с Шевченковскими ритмическими переживаниями и переинструментовками. Все это придает переводам некую искусственность и формальность» [3].

Подавляющее большинство исследователей англоязычной шевченкианы (П. П. Селвер, Б. Кравцев, Р. П. Зоривчак, Л. В. Коломиец и др.), однако, соглашаются в оценке вклада английской поэтессы, литературоведа, переводчика и журналиста Веры Рич. Отмечается, что в своих переводах она использует богатство художественных приемов поэта, близко подходит к стилю оригинала, воссоздает метрику и рифмы, достигает адекватности также и в ритмической организации поэтического языка оригинала [2, с. 287].

По словам В. В. Копилова, «... усвоение великого произведения чужой культуры отечественной культурой происходит, как правило, не посредством одного перевод, а благодаря целой серии переводов (причем они могут не только следовать один за другим, но и создаваться одновременно). Вся совокупность дает возможность откинуть субъективные наслоения, присущие каждому из них, и извлечь объективную основу, общую для всех» [7, с. 55]. В рамках такого подхода актуальными остаются вопросы переводческого анализа внешней и внутренней поэтической матрицы текстов оригинала и перевода как

составляющей критического осмысления и инструмента оценки адекватности вторичных (переводных) текстов.

Немало украинских исследователей сходятся во мнении, что собственно переводческий анализ в его современном понимании в отечественном лингвопереводоведении впервые был разработан И. Франко. Как отмечает Р. П. Зоривчак, путем сопоставления перевода и оригинала и отдельных переводов между собой он основал методiku лингвостилистического анализа перевода, а также впервые в украинской филологической науке дал научно обоснованное понимание перевода как единства литературоведческих, лингвистических, лингвостилистических, психологических и эстетических факторов [4, с. 7].

В процессе перевода поэзии национальная и культурная дифференциация в понимании окружающего мира носителями разных языков может стать причиной снижения коммуникативного эффекта ввиду невозможности достичь полной эквивалентности исходного текста и текста перевода. Именно поэтому выполнение адекватного перевода поэтического произведения предусматривает, прежде всего, лингвистический анализ оригинального произведения с целью определения доминант перевода. При этом значительное внимание уделяется внешней конфигурации и размеру текстов, в результате чего часто присутствует количественная дифференциация составных частей внешних и внутренних структур текстов. Кроме того, в каждом случае отдельному рассмотрению подлежат авторский замысел и интенция создания произведения, уровень поэтического мастерства или, в конце концов, национальные традиции данного жанра.

Исходя из принципов, что перевод должен обеспечивать приблизительно подобное оригиналу смысловое наполнение и как можно ближе сохранить его структуру без искажения содержания [11, с. 11], переводческий анализ поэтического текста должен выполняться на всех компонентных уровнях внешней и внутренней матрицы стихотворного произведения. Рассмотрим эти вопросы более детально в контексте анализа англоязычных переводческих

версий стихотворения «Завет» Т. Г. Шевченко, выполненных Дж Виром и П. П. Селвером [12].

Критериями качественной оценки воссоздания внешней (наглядной) матрицы в переводе являются следование принципам эквilinearности и эквиметричности, типологии рифмы и рифмовки, количественных параметров строфики, соотношенности строф, сохранения конструкций экспрессивного синтаксиса и т.д.

Первым компонентом измерения соответствия перевода оригиналу является уровень реконструкции структуры (конфигурации) поэтического текста. Архитектонику «Завета» составляют 6 строф, объединенных попарно в три части, общим количеством в 24 строк. Акценты на динамике и решительности как характерных тонов просодической матрицы стихотворной палитры расставляются автором через обращение к женской неточной рифме и прерванной рифмовке, а привычный для Т. Г. Шевченко четырехстопный хорей, которым написан стих, отражает особенности тогдашней силлаботонической системы стихосложения. Важным элементом композиции «Завета» выступает характер анжамбеман:

«Як понесе з України
У синєє море
Кров ворожу... отойді я
І лани і гори —
Все покину, і долину
До самого Бога
Молитися... а до того
Я не знаю Бога.»

Поэзия Т. Г. Шевченко маркирована сжатостью поэтической строки, представляющей сложность для ее реконструкции на английском языке. Длина английских лексем в сравнении с украинскими преимущественно короче, что не может не сказаться на архитектонике, ритмических и метрических особенностях текста [6, с. 22].

Отличительным является тот факт, что обоим переводчикам – Дж. Виру и П. П. Селверу – удалось сохранить эквilinearность в 24 строки,

скомпонованные по 6 строф, объединенных попарно в три части. В то же время наблюдается увеличение количества слов в строках, что объясняет появление синтаксических сдвигов. Впрочем, использование приемов добавления и перифразы способствовало преимущественному сохранению оригинального типа рифмы (женской, неточной) и рифмовки (прерванной): *When I die, let me be buried ... // ... My tomb upon a grave-mound high ...*” (Дж. Вир), *When I'm dead then let me slumber ... //... Ukraine earth around*” (П. П. Селвер); *That the fields, the steppe unbounded, // The Dnieper's plunging shore // My eye could see, my ear could hear ...*” (Дж. Вир), *That the mighty girth of acres, // Dnieper's craggy shores, // I may gaze on, and may hearken ...* (П. П. Селвер).

В одном из своих исследований англоязычного поэтического наследия Катуллы, А. Лефавр говорит о ритмическом переводе (rhymed translation) как губительной стратегии при переводе поэзии, ввиду того, что он «накладывает на переводчика двойные оковы» следования метрике и рифмовке оригинала, в результате чего перевод становится его «карикатурой» [13, с. 49, 61].

Оба анализируемых варианта перевода демонстрируют следование особенностям рифмы оригинального произведения (сохранение четырехстопного хорей с пиррихием). Также в переводе отображена специфика оригинального стихосложения, что свидетельствует о немалом усердии переводчиков сохранить внешнюю форму текста и характер анжамбеман.

В современном мире перевода следование формальным принципам организации стихотворения при условии сохранения смыслового содержания и эстетической функции текста считают проявлением переводческих способностей и мастерства. Поэтому, следующим этапом переводческого анализа поэзии «Завет» является изучение особенностей воспроизведения ее внутренней матрицы, в частности анализ поверхностных и глубинных структур текстов оригинала и переводов.

Описание поверхностной структуры текста начинается с определения содержания отдельных его составных частей (в случае поэтического текста – строки или строфы). Независимо от профессионального уровня или таланта

переводчика, обязательной предпосылкой подготовки любого стихотворного перевода является создание «подстрочника», предполагающего воспроизведение содержательного значения каждой строки и строфы оригинала посредством поиска и подбора лексических и грамматических межъязыковых соответствий (эквивалентов) на языке перевода.

Таблица 1

Сравнительный анализ поверхностных структур: лексическая эквивалентность

<i>Строфа</i>	<i>Т. Г. Шевченко</i>	<i>Дж. Вир</i>	<i>П. П. Селвер</i>
1	<ul style="list-style-type: none"> • умру • поховайте • степу широкого • на Україні милій • лани широкополі • кручі • було видно, було чути • як реве ревучий 	<ul style="list-style-type: none"> • I am dead • bury me • spreading plain • in my beloved Ukraine • the boundless steppes • plunging shore • my eyes could see, my ears could hear • the mighty river roar 	<ul style="list-style-type: none"> • I'm dead • let me slumber • the rolling steppe • Ukraine earth around • mighty girth of acres • craggy shores • I may gaze on, and may hearken • the blusterer roars
2	<ul style="list-style-type: none"> • синєє море • кров ворожу • і лани, і гори • до самого бога 	<ul style="list-style-type: none"> • deep blue sea • the blood of foes • hills and fertile lands • to the abode of God 	<ul style="list-style-type: none"> • the azure sea • foemen's blood • mountain-side and lea • even unto God
3	<ul style="list-style-type: none"> • вставайте • вражою злою кров'ю • окропіте • пом'янути • незлим, тихим словом 	<ul style="list-style-type: none"> • rise ye up • tyrant's blood • water • remember • softly spoken, kindly word 	<ul style="list-style-type: none"> • uprising • evil blood of foemen • drench • speak me • fair and due

Сравнительный анализ лексического наполнения текстов оригинала и перевода (табл. 1) свидетельствует о том, что Дж. Вир предпринял небезуспешные попытки подобрать органично родственную украиноязычным реалиям лексику. При этом переводчик и умело использовал прием добавления

для передачи содержания феноменов, чуждых для понимания представителей англоязычной лингвокультуры: *синєє море – deep blue sea, незлим, тихим словом – softly spoken, kindly word.*

Особенного внимания заслуживают попытки обоих переводчиков соблюсти принцип «историзма» в лексико-грамматической стилизации текста за счет использования приема компенсации: *І мене в сем'ї великій, // В сем'ї вольній, новій ... – Oh bury me, then rise ye up ... (Дж. Вир) / “Ye shall cherish, lest it perish ...” (П. П. Селвер).*

Создание адекватного перевода художественного произведения предусматривает органичную репродукцию синтаксических структур текста оригинала. Грамматическая организация и особенности актуального членения предложения в английском языке, постулирующие, например, присутствие подлежащего и следование прямому порядку слов, несколько ослабляет тональность обоих текстов перевода и требует осторожного подбора эквивалентов во избежание случая метрического сдвига (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ поверхностных структур: синтаксическая эквивалентность

<i>Т. Г. Шевченко</i>	<i>Дж. Вир</i>	<i>П. П. Селвер</i>
Було видно, було чути	My eyes could see, my ears could hear	I may gaze on, and may hearken
Все покину і полину	I'll leave them all behind and fly	These unheeding, I'll be speeding
Як понесе з України	When from Ukraine the Dnieper bears	When it bears away from Ukraine

Воссоздание стилистической организации текста, непосредственно влияющей и на реконструкцию его образной структуры, требует особого внимания и умений переводчика. Отсутствие в языке-трансляторе соответствующих единиц для передачи тропов, используемых автором оригинала, вынуждает переводчика прибегать к эмпирическому поиску эквивалентов и альтернатив. Так, многочисленные эпитеты, пронизывающие

«Завет», преимущественно воспроизведены и в переводных версиях благодаря приемам подбора семантических соответствий, функциональных аналогов, приемам компенсации и т. д., например: *степу широкого – rolling steppe / spreading plain, на Україні милій – precious Ukraine / beloved Ukraine, синєє море – the azure sea / deep blue sea, вражою, злою кров'ю – evil blood of foemen / the tyrant's blood.*

Кроме того, во вторичных текстах достаточно удачно передана метафорика Т. Г. Шевченко (*кайдани порвiте – shatter every gyve / break your heavy chains*), однако особенно высокой оценки заслуживает передача переводчиками приемов аллитерации и персонификации: *Як реве ревучий – How the blusterer roars / The mighty river roar.*

С позиций стилистики синтаксиса оба переводчика смогли сохранить оригинальные приемы анафоры и параллелизма, содержательно связывающие начальные строки первой и второй строф и способствующие воспроизведению их эвфонической организации: *Як умру, то поховайте ... // Як понесе з України ... - When I'm dead then let me slumber ... // When it bears away from Ukraine ... / When I am dead then bury me ... // When from Ukraine the Dnieper bears.*

Проведенный контрастивный анализ лексического и стилистического содержания текстов оригинала и переводов обуславливает переход к анализу глубинных структур текстов и их когерентности.

Текст в целом воспринимается как когерентный, если реципиенту удастся установить характер отношений между отдельными концептами и объединить их в рамках единой системы смыслов. Как активизация концептов, так и их интеграция происходят в мозгу воспринимающего текст человека. В связи с этим некоторые авторы называют структуру, образуемую концептами-смыслами, глубинной структурой текста, противопоставляя ее поверхностной структуре, элементами которой являются языковые выражения, «лежащие на поверхности» [1, с. 16–17].

Поэзия украинского Кобзаря пронизана идеями и образами борца за индивидуальные и национальные ценности и свободы. Не удивительно, что во

многих произведениях Т. Г. Шевченко Украина выступает доминирующим образом родного края, и начальные строки «Завета», актуализирующие концепт УКРАИНА, еще раз это подтверждают через спецификацию этноспецифических элементов картины мира: *степ, Вкраїна, лани, Дніпро, кручі, Україна, море, гори.*

Экспликация восхищения автора родной землей и многоплановостью украинских ландшафтов достигается посредством эпитизации и перечисления: *серед степу широкото, на Вкраїні милій, лани широкополі, Дніпро ревучий, у синєє море; лани широкополі, // І Дніпро, і кручі ... // ... І лани і гори ...*, а образ главной артерии Украины – реки Днепр – актуализован приемами аллитерации и персонификации: *реве ревучий.*

Наряду с образами природы и красот родного края, творчество Т. Г. Шевченко всегда оставалось антропоцентричным по сути. Постоянное «присутствие» человека улавливается не только в фигуре самого автора, но и в образе лирического героя. Концепт ЧЕЛОВЕК и его фрагменты КОГНИТИВНАЯ и СЕНСОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ объективируются в произведении через референцию к притеснению прав украинцев и воззванию к гражданскому долгу реципиентов: *було видно, було чути, покину, полину, молитися, знаю, вставайте, порвіте, кров'ю, сем'ї, пом'янути.*

Действительно, одним из толчков к созданию поэзии «Завет» в 1845 г. стала тогдашняя общественно-политическая ситуация на Украине. Название «Завет» актуализирует скорее наставление Т. Г. Шевченко потомкам и последователям, нежели последнюю волю поэта перед смертью (именно этим и объясняется выбор в рамках данной статьи русскоязычного соответствия названия стихотворения – «Завет», а не «Завещание»). Поэт твердо уверен в потенциале, силе и духе восставшего народа, призывает его разорвать оковы рабства и построить новое свободное общество.

Поскольку «Завет» представляет собой обращение поэта к поработанному народу, его призыв к действию, то к корпусу доминантных концептов в произведении следует отнести бинарный концепт ВОЛЯ /

НЕВОЛЯ, представленный широкой лексической палитрой: *ворожу, вставайте, кайдани, порвіте, вражою злою кров'ю, волю, вольній, новій*. При этом отметим, что динамика авторского воззвания обеспечивается разноплановым стилистическим оформлением посредством аллитерации (*порвіте ... кров'ю ... окропіте, волю ... великій, вольній, новій*), грамматического повтора императивных форм глаголов (*поховайте, вставайте, ... порвіте, ...окропіте, ... не забудьте*), метафор (*кайдани порвіте, кров'ю волю коропіте*) и т.д.

Исследователи биографического и творческого пути Т. Г. Шевченко говорят о том, что произведение «Завет» было создано мастером в период тяжелой болезни. Именно поэтому, на наш взгляд, концепт СМЕРТЬ в поэзии объективируется уже с первых строк: *умру, поховайте, могилі, покину, долину, пом'янути*. К тому же, в тексте произведения отслеживается концептуальная связь СМЕРТЬ :: РЕЛИГИЯ, эксплицированная единицами *бог, молитися, пом'янути*. Подобная корреляция может быть объяснена обрядностью быта как элемента высокой религиозности украинского народа.

Детерминированные пять базовых концептов оригинала создают предпосылки для следующего этапа анализа глубинных структур текстов перевода – определения уровня соблюдения когерентности в процессе перевода.

Адаптация текста оригинала для иноязычной целевой аудитории предполагает не только подбор лексических вербализаторов «ключевых концептов» в языке перевода, а и поиск путей их согласования с морфологическим оформлением.

Результаты проведенного контент-анализа первичного и вторичных текстов (табл. 3) свидетельствуют о том, что переводческая версия «Завета» Дж. Вира более полно воспроизводит концептуальную картину оригинала, нежели вариант перевода П. П. Селвера, и в содержательном плане оказывается ближе к первоисточнику.

Сходства и девиации вербальной объективации ключевых концептов

<i>Концепт</i>	<i>Оригинал</i>	<i>Дж. Вир</i>	<i>П. П. Селвер</i>
РЕЛИГИЯ	бог, молитися	God, pray	God, pray
УКРАИНА	степ, Україна, лани, Дніпро, кручі, Україна, море, гори	Ukraine, plain, fields, steppes, Dnieper, shores, river, sea, hills	steppe, Ukraine, girth of acres, Dnieper, shores, sea, mountain-side, lea, burial
ВОЛЯ / НЕВОЛЯ	ворожу, вставайте, кайдани, порвіть, вражою злою кров'ю, волю, вольній, новій	blood of foes, rise up, chains, break, tyrant's blood, freedom, new family, family of the free	foemen's blood, uprising, gyve, shatter, blood of foemen, freedom, kindred free and new
СМЕРТЬ	умру, поховайте, могилі, покину, полину до самого бога, пом'янути.	Dead, bury, tomb, grave mound, leave, fly away to the abode of God	Dead, slumber, mound, be speeding even unto God
ЧЕЛОВЕК / КОГНИТИВНАЯ И СЕНСОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	було видно, було чути, покину, полину, молитися, знаю, вставайте, порвіть, сем'ї, пом'янути, кров, словом	eyes – see, ears – hear, leave, fly away, pray, know, rise up, break, family, blood, remember, softly spoken, word	gaze on, hearken, be speeding, uneeding, pray, know, uprising, shatter, uprising, kindred, cherish, speak

Конечной целью любого текстового перевода является сохранение прагматического заряда текста. Анализ воссоздания лексико-синтаксической организации текста в переводе, системы его образов и стилистических фигур позволяет судить об уровне прагматики текста и оценке качества перевода в целом. Суммируя результаты проведенного сравнительного анализа, приходим к выводу, что оба варианта англоязычных переводов стихотворения Т. Г. Шевченко «Завета» являются эквивалентно-полными и адекватными.

Подробное изучение поверхностной и глубинной структур поэзии «Завет» и ее переводческих версий свидетельствует о том, что адекватность в переводе возможна благодаря осмыслению и сохранению концептуальных отличий между культурами, языки которых вовлечены в процесс перевода. Процесс создания адекватного перевода не ограничивается подбором лексико-

грамматических соответствий, а предусматривает полиаспектную адаптацию текста к восприятию иноязычным реципиентом, декодирование и сохранение прагматического эффекта оригинала.

Достижение адекватности в художественном переводе ставит перед переводчиком ряд лингвистических и экстралингвистических задач. Предложенный нами подход к организации лингвопереводческого анализа текста, таким образом, дает возможность определить базовые аспекты, на которые переводчику следует обращать внимание в процессе реконструкции поэтического произведения на другой язык.

Литература

1. Егорова М. А. Дискурс и текст в аспекте перевода : Уч. пособие / М. А. Егорова. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2003. – 50 с.

2. Зарицька Т. Новий етап засвоєння поезії Тараса Шевченка: переклади Віри Річ / Т. Зарицька // Шевченкознавчі студії : збірник наукових праць (КНУ ім. Т. Шевченка. Інститут філології. Кафедра історії української літератури і шевченкознавства). – 2009. – Вип.16. – С. 283–291.

3. Зорівчак Р. П. Англomовна поетична шевченкіана — здобутки і сучасний стан [світлій пам'яті Президента АН ВШ України Віталія Іларіоновича Стріхи] [Електронний ресурс] / Р.П. Зорівчак // Наук. записки АН ВШ України. — Дніпропетровськ, 2010. – Т. V. – С. 117–138. – Режим доступу: <http://www.anvsu.org.ua/index.files/Articles/Shevchenkiana.doc>.

4. Зорівчак Р. П. Іван Франко як перекладознавець / Р. П. Зорівчак // Теорія і практика перекладу : респ. міжвід. наук. зб. – К. : Київ. держ. ун-т., 1981. – Вип. 5. – С. 3–16.

5. Коломієць Л. В. Фразеологічний потенціал англomовних перекладів поетичних творів Тараса Шевченка / Л. В. Коломієць // Шевченкознавчі студії: збірник наукових праць (КНУ ім. Т. Шевченка. Інст-т філології. Кафедра історії української літератури і шевченкознавства). – 2008.– Вип. 11. – С. 242–252.

6. Коломієць Л. В. «Садок вишневий коло хати ...» Тараса Шевченка у новому перекладі Віри Річ / Л. В. Коломієць // Наукові записки. – Випуск 89 (1). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 5 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2010. – С. 20–25.

7. Коптілов В. В. Теорія і практика перекладу : Навчальний посібник для студентів / Віктор Вікторович Коптілов. – Київ : Юніверс, 2003. – 280 с.

8. Кравцев Б. Твори Шевченка англійською мовою / Богдан Кравцев // Taras Shevchenko Works. Volume XII. Shevchenko's Poetry / Ed. by Bohdan Krawciw. – Chicago : Mykola Denysiuk Publishing Company, 1963. – P. 27–32.

9. Шевченківський словник: у 2 тт. Т.1. [Електронний ресурс] / Відп. ред. Є. П. Кирилюк. – К. : Головна редакція УРЕ, 1976. - 416 с.– Режим доступу : <http://izbornyk.org.ua/shevchenko/slovn04.htm>.

10. Шевченко Т. «Заповіт» мовами народів світу / Упоряд. Б. В. Хоменко; вступ. ст. Б. В. Хоменка; Ред. А. О. Білецький.— К. : Наук. думка, 1989. - 248 с.

11. Bassnett S. Translation Studies / Susan Bassnett. – 3rd ed. Reprint (1980, 1991). - London and New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2002. – 176 p.

12. Comparison of Translations of Taras Shevchenko's "Zapovit" [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://homes.chass.utoronto.ca/~tarn/courses/468/Zapovit-comparison.pdf>.

13. Lefevre A. Translating Poetry : Seven Strategies and a Blueprint / André Lefevre. - Assen : Van Gorcum, 1975. – 127 p.

14. Manning C. A. Shevchenko In English Literature / Clarence A. Manning // Наш Шевченко. Збірник – Альманах у сторіччя смерті Поета 1861–1961 / Ред. В. Давиденко, А. Драган, Ів. Кедрин, Б. Кравців Л. Луців, В. Стецюк. – Вид-во «Свобода», Джерзі Ситі – Нью-Йорк, 1961. – С. 122–125.

Егорова, О.И. Критика перевода поэтического текста сквозь призму лингвопереводческого анализа [Текст] / О.И. Егорова, А.В. Зинченко // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Сборник научных статей. Выпуск 5. – Н. Новгород : Бюро переводов «Альба», 2015. – С. 84–98.